

Шубертовский вечер Юрия Богданова

Юрий Богданов, сыгравший 23 сентября шубертовский клавирабенд в Малом зале Московской консерватории, производит приятное впечатление своим артистическим обликом. Играет Шуберта серьезно, обходясь без ненужных здесь виртуозно-бравурных "знаков". Музыкален, умеет звучать тонко и изысканно. Явно нравится публике, заполнившей зал почти до отказа. Наконец, он естествен, и лишь редкие "умышленности" (вроде излишне, на мой взгляд, выделенных подголосков в коде Музикального момента № 3 из оп. 94) нарушили выдержанное равновесие интерпретаций. Своей интимной, мягкой манерой он напомнил известного шубертианца А. Бренделя.

И если все же осталось ощущение, что нечто в игре Богдановаказалось как бы недосказанным, то отнести это надо не к самому исполнителю, а к той высшей мере, которой хочется оценивать сегодня исполнение Шуберта и особенно таких сочинений, как Соната B-dur. Именно здесь, как мне казалось, интерпретатор должен при сохранении всех красот шубертовской музыки пойти "далее", в трудноописуемую словами область шубертовской "продленной" формы. Туда, где самым главным становится способ обращения со временем.

Он может быть различным (что показывает нам история интерпретации этого сочинения — от Шнабеля до Афанасьева), но никогда не беспроблемным. Ю. Богданов, как уже говорилось, в достаточной мере владеет звуком и краской (хотя, возможно, в эпических разворотах forte его игра может показаться недостаточно масштабной). Но я бы не сказал, что в той же степени он "владеет временем" (как некогда Д. Рабинович отозвался о рихтеровской шубертиаде). Ни в коей мере не навязывая совсем еще молодому пианисту подобных аналогий, хочу сказать, что уже в начальной теме время в его исполнении оказывалось чрезмерно приятным и уютным, можно сказать, чрезмерно "бюргерским". Отсюда и невольные ассоциации с Брендлем, чья слава интерпретатора Шуберта, по

правде сказать, кажется мне несколько преувеличенной.

Иногда могло показаться, что Богданов слишком уж беззаботно движется по местности, которая, хотя и видится ровной, доступной для обозрения, на самом деле полна странного, гипнотизирующего магнетизма, не только "связывающего" и "растягивающего" многие звучащие мгновенья, но и до предела удлиняющего паузы — своеобразные шубертовские "молчание сфорцати", которые иногда заставляют вспомнить о Веберне, даже о Кейдже, настолько они в иных интерпретациях оказываются весомыми и значительными.

Прекрасно сыгранные в заключение программы три Песни Шуберта — Листа выглядели здесь все же не вполне уместными. Хотя бы из-за того что звучали *после* Сонаты. Своей фактурной роскошью, "концертностью" они словно дезавуировали скучность и сдержанность оригинального шубертовского письма. Я понимаю, что есть законы сцены; но ведь существуют и другие, высшие законы... Еще более диссонирующим показался сыгранный на бис Этюд Скрябина *dis-moll*.

Наиболее яркое и цельное впечатление остались пьесы из оп. 94 (особенно № 5), а также вторая и третья из Трех пьес 1928 года (D 946). Вообще, "солнечная" сторона шубертовской музыки удается Ю. Богданову, несомненно, лучше, чем трагическая. Правда, и мажор у Шуберта, как хорошо написал в одном из своих эссе В. Афанасьев, также бывает своеобразно трагичным... Но об этом, вероятно, можно и поспорить...

В целом концерт, помимо общих приятных впечатлений, оставил надежду на то, что шубертовская линия русского пианизма, завещанная великими нашими мастерами, подхваченная, в частности, одним из учителей Юрия Богданова А. Наседкиным (а также и А. Любимовым) найдет в лице молодого московского пианиста достойное и интересное продолжение.

Рос. муз. газета. А. ХИТРУК.
1987. — Окт. (N 10). — С. 5.